

К 100-летию Октябрьской революции

Третья книга стихов Блока является по сути кульминационным аккордом в творчестве поэта. Последние годы своей жизни Александр Блок посвятил жанрам прозаическим (исключением является поэма “Двенадцать”), а именно статьям, рецензиям, очеркам, которые можно при некоторых условиях называть дневниковыми записями.

С одной стороны, предпочтение, оказанное автором жанрам прозаическим, оправдано с исторической точки зрения – поэт поставил перед собой две важнейшие задачи, которые не под силу было бы выполнить в одиночестве: 1) реорганизация театра, 2) “летописная” хроника начала нового века, а если следовать за Блоком, нового времени или новой эпохи.

Кроме того, жанры лирики в системе творчества поэта стали отчасти жертвой эпохи. После написания поэмы “Двенадцать” ощущение измене себе не только не оставило поэта, но, напротив, усиливалось практически с каждым днем. Трагизм сломенного сознания или мировоззрения – характерная черта каждого художника начала XX века, но именно для тонко чувствующего интеллигента Александра Блока эта проблема так и осталась не преодоленной.

Дело в том, что следуя внутреннему порыву-призыву, поэт создал свою поэму, но только после восприятия её каждой частичкой своей души автор осознал следующую проблему – его творение, за которое он первые мгновения после написания поэмы уже причислял себя к Гениям, оказалось чудовищем, достойным порождением своего времени. И этого Блок не мог ни понять, ни принять. Особенно угнетало то, что проблематика произведения не отвечала исконному духовному настрою Блока. Даже в моменты, когда поэт принимал революцию, он прежде всего был настроен на светлое обновление, а не на кровавую бойню без смысла и жалости к чьему бы то ни было.

“Блок принадлежал к этой традиции, подлинной реальностью для него обладал именно высший, внутренний смысл, передающий скрытую сущность мира и явлений. Как истинный поэт-мистик, он ощущал себя рупором иной реальности, сопричастным тайнам мира, пытавшимся не только постичь эти тайны, но и приоткрыть в своём творчестве завесу над ними. Вне этих задач не понять блоковскую поэзию”, – рассуждает Евгения Иванова. Никогда прежде Блок не отдавался неизвестности настолько безрассудно и не оправданно. Музыка революции звала и дурманила.

*Что если я, заворожённый,
 Сознания оборвавший нить,
 Вернусь домой уничиженный,
 Ты сможешь ли меня простить?* – вопрошает поэт невидимому собеседнику в цикле “Страшный мир”. Аккуратный в повседневных делах, чётко и осознанно строящий всю дальнейшую жизнь в ранней юности, отдающийся страхам, но узнающим, а не хаотичным, поэт оказался обманутым гулом, мистикой и, прежде всего, одиночеством, которое и привело к самоуверенности и неосознанной свдиргайловщине.

Евгения Иванова в своей книге “Александр Блок: последние годы жизни”, комментируя общую идею в поэмах “Двенадцать”, “Скифы” и статье “Интеллигенция и революция”, приводит следующее объяснение произошедшему: “Эта статья в сжатом виде содержала некоторые разъяснения и выводы Блока периода его работы в ЧСК: о последнем царствовании, о заветах интеллигенции (ни ему [Блоку], ни другим интеллигентам в то момент и в голову не могло прийти тогда, на сколько десятилетий растянутся потом эти “роковые минуты”), и “высокое и гневное” знание о социальной несправедливости, которое более всего питало его революционные ил-

люзии, и, наконец, заключительный призыв, который Блок произнес вслед за Сократом: “Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию!”. Мистическая и пророческая горячка помешала Блоку заметить весьма характерную деталь, этому замыкающему статью призыву предшествовали слова: “А дух есть музыка. Некогда демон повелел Сократу слушаться духа

Александра САВИНА

музыки”. Находясь под властью “январских восторгов”, Блок даже не заметил, что призыв “слушать музыку был демоническим внушением...” . Учтывая вышесказанное, вывод о том, что поэзия третьего тома – венец лирики Блока, кажется вполне оправданным. Даже не углубляясь в тайную сущность и природу Искусства, можно смело заявить, что стихотворения 1907-1916 гг. стали наиболее интересными с точки зрения проблематики, искренними в плане выражения и высказываний, а эти годы были самыми яркими в жизни автора с точки зрения его духовного “вочеловечения”.

Если в первых сборниках и сам автор, и его лирический герой знают лишь общий контекст своих судеб, но ещё не видят своих жизней в контексте судьбы эпохи, то к третьему тому они начинают угадывать свою роль на подмостках театра истории. Здесь прорастает важнейшая тема для Блока – судьба человека в переломном веке. Поэтому последний сборник, с одной стороны, наполнен рефлексией, но, с другой стороны, интуитивен, полон веры в чудо, что было непереносимо даже в первом томе:

*В этом вся моя сказка, добрые люди,
 Мне больше не надо от вас ничего.
 Я никогда не мечтал о чуде –
 И вы успокойтесь – и забудьте про него...*

Как ни казалось бы странным, но лишь к финальному этапу творчества Блок осознает своё истинное место в жизни, определяет область духовного развития, и вот уже новый круг начат, путь избран, и лирический герой снова оказывается у истоков новых переживаний, неизвестных ему до этих пор. В отличие от Данте, персонажу Блока в одиночестве предстоит пройти все 9 кругов ада современности, но истинным виновником всех переживаемых страданий лирический герой считает себя. Его тернистый путь представляется искуслением за прошлое, за отречение от него, за предательство и “попирание святых”. Именно к третьему тому лирики поэт в некоторой степени достигнет того значимого уровня, который был установлен в статье “Душа писателя” в феврале 1902 года: “Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, – является чувство пути”.

Возможно, такой романтический и самонадеянный сценарий своей судьбы Блок придумал, сопоставляя собственную жизнь с историей России. Ведь именно в эту пору страна переживает сильнейшие потрясения, которые изо дня в день представляются людям в совершенно разных цветах. Герой Блока заблудился в этом бесконечном жутком маскараде, где люди и нечисть, любовь и смерть, святое и грязное перемежаются с чудовищной скоростью, но определить, где заканчивается спасение и начинается грех, представляется практически невыполнимым. Тем не менее, персонаж мечется среди неясных ужасений и, видя в них нечто ужасное, стремится к Истине через отрицание прошлого. Но и на новом этапе, остановившись перед преградой, в эссе отшатывается – ведь оказывается, что человек XX века запутался в лабиринте кри-

вых зеркал, где все кошмары являются порождением собственных игр разума, воображения или неправильного истолкования себя и своего места на земле:

*Я на земле был брошен в яркий бал,
 И в диком танце масок и обличий
 Забыл любовь и дружбу потерял...*

Не случайно третий том лирики открывается циклом “Страшный мир”. Если в “Распутях” и “Пылях земли” нечисть пугала из болот и из-

Блок и революция

за кочек, а к циклу “Город” добралась до человеческих дверей и преследовала у порога, то в “Страшном мире” герой уже не может определить, является ли он человеком, разочаровавшимся во всём и во всех, или же мертвецом, лишенным чувств и души. Поэтому закономерными кажутся стихи “Как тяжко мертвецу среди людей...” и “Как тяжело ходить среди людей и притворяться не погибшим...”, а мотивы и переживания оправданными.

Но даже “обрывая нить сознания”, герой пони-

мает, что ему всегда есть что терять, поэтому вопрос, обращённый к Идеалу, России или Богу, звучит особенно надменно:

*Что, если я, заворожённый,
 Сознания оборвавший нить,
 Вернусь домой уничиженный,
 Ты сможешь ли меня простить?*

“На вопрос жестокий нет ответа”, но персонаж Блока именно чувствует, что прощение можно заслужить страданием, которое он приносит для искупления Родины. Погружаясь в тайны собственного сознания, герой хочет изучить основы человеческой природы, понять свой народ, тем самым спасая Родину. И если даже ценой является собственная загубленная жизнь, то всё равно цель оправдывает средства.

Одним из ярких тому примеров является стихотворение “Песнь ада”. Блок объяснял замысел “Песни ада” следующим образом: ““Песнь ада” есть попытка изобразить “инфернальность” (термин Достоевского), “вампиризм” нашего времени стилем inferno <т.е. стилем “ада”, первой книги “Божественной комедии”...”. Лирический герой оставлен Беатриче, его не покидает ощущение, что и в финале своего пути они не встретятся. Но в этом и лирический герой, и автор винят себя.

Что касается персонажа, то его образ “двоится” в стихотворении. Возможно, встречая юношу-вампира, он встречает самого себя. Это словно разговор с собственной памятью, в котором герой узнает об убийстве возлюбленной и о возмездии за преступление

*Я обречен в далеком мраке спальной,
 Где спит она и дышит горячо,
 Склонясь над ней влюбленно и печально,
 Вонзись свой перстень в белое плечо...*

Тема двойничества и ранее появлялась в

творчестве русских писателей, особенно когда их герои были жителями Петербурга. В поэзии Блока отражены и преемственность Гоголя, и традиции Достоевского.

Встречаясь с таинственными личностями, персонаж стремится удостовериться в их уникальности, или же в собственной истинности существования. Но страх, что эти незнакомцы всего лишь отражение, не покидает лирического героя, отчего он становится сомневающимся и неуверенным:

*Знаком этот образ печальный,
 И где-то я видел его...
 Быть может себя самого
 Я встретил на глади зеркальной?*

«...»Тему смерти можно считать неким связующим элементом, скрепляющим все произведения Блока, имеющие какое-либо отношение к лирике. Безусловно, говоря о Блоке, нельзя обойти молчанием его поэму “Двенадцать” хотя бы лишь по причине сказанных автором произ-

ведения слов, относящихся к дате написания поэмы: “Сегодня я – гений”.

Однако, следует внести и некоторые оговорки. Прежде всего, “Двенадцать” относится к лирико-эпическому роду литературы, а сама работа посвящена теме смерти непосредственно в лирике поэта. Во-вторых, героиня поэмы Катька не является умершей в том смысле, в котором персонаж Блока рассматривались нами ранее. Более того, Ванька [любовник Катьки] убивает девушку сам, не в аллегорическом смысле, а буквально. Попытки убить идеал лирический герой Блока предпринимал в третьем томе – стихотворение “Песнь ада”. Таким образом, можно сделать вывод, что лирическое “я” попало на иску, которому подвергался ранее, но не всё так односторонне просто.

...Кульминация любовной линии приходится на шестую часть поэмы. Ванька убивает свою возлюбленную и вспоминает о ней в седьмой части (“Ох, товарищи, родные! / Эту деву я любил... / Ночки черные, хмельные / С этой девкой проведил...”). Последние портретные детали скорее относятся к словам лирического героя: “– Из-за удали бедовой / В огневых её очах / Из-за родники пунцовой / Возле правого плеча...”. Кому как не блоковскому персонажу восхищаться удалью, страстью, весельем, которое, вероятнее всего, окажется губительным? Обладательницей “огневых очей” оказались и Фаина (“И теплятся очи, как свечи...”, “И я одна лишь мрак тревожу! / Живым огнем крылатых глаз...”, “Горят глаза твои, горят / Как черных дёв зарю!...”), и Кармен (“Насмешкой засветились очи...”), и Снежная Дева (“Пронзай меня! / Крылатый взор! / Илею снежного огня!”). Таким образом, героиня “Двенадцати” представляется Ваньке и лирическому герою далеко не одним и тем же: красивая, молодая любовница

К 130-летию Игоря Северянина

16 мая русскому поэту Игорю Северянину исполнилось 130 лет.

Не знаю, как отметят эту дату все официальные теле- и радио-каналы, но, надеюсь, русские поэты его не забудут. Да и читатели давно уже оценили истинную поэзию, которая иногда прикрывалась шутством и балаганностью. Да и в жизни своей маска паца в его поэтическом балаганчике оборачивалась серьёзностью и болью, а вовсе не фарсом.

*Он тем хорош, что он совсем не то,
 Что думает о нем толпа пустая,
 Стихов принципиально не читая,
 Раз нет в них ананасов и авто.
 Фокстрот, кинематограф и потю –
 Вот, вот куда людская мчится стая!
 А между тем душа его простая,
 Как день весны. Но это знает кто?
 Благословляя мир, проклятые войнам
 Он шлёт в стихе, признания достойном,
 Слегка скорбя, подчас слегка шутя
 Над вечно первенствующей планетой...
 Он – в каждой песне, им от сердца спетой, –
 Иронизирующее дитя.*

Северянинская игриво-ироничная ухмылка, пародирующая декадентскую мораль, соседствовала у поэта с возвышенной мечтой о любви и счастье. Игорь Северянин – человек играющий, а значит – свободный. Его безграничная слава начала прошлого века говорит только о том, что он точно уловил дух времени, попал в его контекст своими игровыми экспериментами, установив новые правила игры, которые публикой были приняты на “ура”.

От этого первого периода остались кроме стихов и своеобразные афоризмы Северянина, которые достаточно спорны, но отражают его первичную поэтическую сущность.

“Всё можно оправдать, всё простить. Нельзя оправдать лишь того, лишь того нельзя простить, кто не понимает, что всё можно оправдать и всё простить.”

Единственное моё убеждение – вовсе не иметь убеждений.

Плачьте слезами раскаяния: в них захлебнётся Грех.

Открытый эгоизм есть истина. Тайный эгоизм – страшный порок.

Ничего никому не нужно, кроме физиологических отравлений. Искусство, наука, “идейность” – или поза, или выгода.

Внушай человеку свои мнения – это то же, что обучать погулая или метать бисер перед свиньями.

Ударить любимую женщину – самоубийство. Просто женщину – самооплевание.

Если хочешь сохранить с человеком добрые отношения, приписывай ему то, что ему не свойственно.

Идеальная грядущая эпоха человечества – отмена законов за их ненужностью.

Нужность законов – доказательство низкого культурного уровня человечества...

Человек, привыкший всегда ссылаться на то, что “так принято”, не понимает того, как это выражение им глупо отдано...

Люди, делающие из книг костры, вовсе не люди.

Россия и Россия – это большая разница. Это две страны, постоянно враждующих между собой.”

Его эстонский друг поэт Вальмар Адас говорил, что сам Северянин свои вызывающие эстетские творения начала века называл “стихами для дураков”. Поэт, тонко чувствуя настроение общества, играл на публику, разыгрывая масштабную клоунаду. Он возмущался тупостью своих поклонников и поклонниц:

"Иронизирующее дитя" Владимир БОНДАРЕНКО

*Я – не изгуща для толпы,
 Меня не пьют в свой закон, –
 Да, вам пою, – пою! – И что же?
 О, люди! как же вы тупы!... –
 Я – ветер, что не петь не может!*

Он себя отделял от своих же читателей и читателей. Это прекрасно описано в стихотворении “Царственный пацц”:

*За струнную изгородь лиры
 Живёт неведомый пацц,
 Его палачи из палач –
 За струнную изгородь лиры...
 Как он смешит пигмеев мира,
 Как сотрясает хохот плац,
 Когда за изгородь лиры
 Рыдает царственный пацц!..*

Да, он смешил всех пигмеев, над ним хохочут и его же обожествляют, делают кумиром, но между его читателями и самим поэтом всегда жёсткая “струнная изгородь лиры”, за которую он мало кого пропускает. Став Игорем Северянином, поэт избрал для себя так же шутливую эгофутуризм, привлёк для большего шума с десяток молодых полуграмотных стихотворцев, среди них Вадима Шершеневича, Константина Олимповца (сына своего кумира Константина Фофанова), Василия Гнедова, шум подняли во всей российской прессе. Что ему и надо было:

*Я оскандален и окумирен,
 Мимозно плачу, смеюсь до слёз:
 Лишь я и Солнце в закатном мире! –
 Я – вне эпохи! Я – грандиоз!*

Он не боялся ни пошлости, ни вульгарности, ни грубости. Если это всё карнавал и шутovanje, то почему бы и не посмеяться над пошляками.

Его верный друг до самой смерти Георгий Шенгели вспоминал:

“Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал, – это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи – сплошное издевательство над всеми и всем, и над собой...”

Игорь каждого видел насквозь, толстовской хваткой проникнул в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника – но это ощущение неуклонно сопрягалось в нём с чувством презрения”.

*Пускай критический каноник
 Меня не пьют в свой закон, –
 Ведь я лирический ироник:
 Ирония – вот мой канон.*

Он был продавцом “ананасов в шампанском” и “мороженого из сирени”, но ели он сам свои изделия? Он заворачивал свои ананасы и лилии в самые изящные обёртки, которые покупатель ценит даже больше самих товаров. Да, он был первый большой поэт эпохи потребления. Но, может быть, простому читателю, приказчику из лавки, кухарке или швее и нужны такие стихи?

*В шумном платье муаровом,
 в шумном платье муаровом
 По аллее олуненной
 Вы проходите морее...
 Ваше платье изысканно,
 Ваша тальма лазорева,
 А дорожка песочная
 от листвы разузорена...*

*Ножи плодом закрутите
 дорожим, язгуаровым,
 И, садясь комфортабельно
 в ландолете бензиновом,
 Жизнь доверьте Вы мальчуху
 в макинтоше резиновом,
 И закройте глаза ему
 Вашим платьем жасминовым –
 Шумным платьем муаровым...*

Пожалуй, точнее многих выразил своё понимание Северянина поэт Вадим Шефнер: *В поэзии он не бунтарь и не пахарь,
 Скорее – колдун, неожиданный знахарь;
 Одним он казался почти гениальным,
 Другим – будучи-то будучи банальным.
 Гоня тороплихо за стёрочно строчку,
 Какую-то тайную нереную точку
 Под критиков ахи и охи, и вздохи
 Сумел он нащупать на теле эпохи...
 ...И слава парила над ним и гремела –
 И вдруг обескрылила и онемела,
 Когда его в сторону отодвигая,
 Пошла в наступление эпоха другая.
 И те, что хулили, и те, что хвалили,
 Давно опочили, и сам он в могиле,
 И в ходе времен торопливых и строгих
 Давно уже выцвели многие строки.
 Но всё же под пеплом и шлаком былого
 Живёт его имя, пульсирует слово, –
 Сквозь всё многослойные напластованья
 Мерцает бессмертный огонь дарованья.*

Среди поэтов Серебряного века, увы, он выделялся своей необразованностью – сказали его четыре неполных класса череповецкого реального училища. Думаю, стихийные, природные, но необразованные таланты типичны на России и заставляют восхититься новыми рифмами, удачными словообразованиями, мелодией стиха, поэтической искренностью и простотой. Даже такие высокообразованные поэты, как Николай Гумилёв и Александр Блок, отмечали высокий талант Игоря Северянина. Александр Блок записал в своём дневнике: “Мы в “Сирине” много говорили об Игоре Северянине, а вчера я читал маме и тёте его книгу. Отказываюсь от многих своих слов, я преуменьшал его, хотя он и нравился мне временами очень. Это – настоящий, свежий, детский талант. Куда пойдёт он, ещё нельзя сказать; что с ним стряётся: у него нет темы. Храни его Бог”. Николай Гумилёв, поэт совсем другого стиля, другого воспитания и даже другой культуры, тем не менее писал о Северянине в своих “Письмах о русской поэзии”, опубликованных в 1914 году в самом элитном журнале “Аполлон”: “О “Громокищем кубке” – поэзах Игоря Северянина, писалось и говорилось уже много. Сологуб дал к ним очень непринуждённое предисловие, Брюсов хвалил их в “Русской мысли”, где полагалось бы их бранить.”

Книга, действительно, в высшей степени характерная, прямо культурное событие.

Игорь Северянин – действительно поэт, и к тому же поэт новый. Что он поэт – доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы. Нов он тем, что первый из всех поэтов настоял на праве поэта быть искренним до вульгарности.

Для него “Державным стал Пушкин”, и в то же время он сам – “гений Игоря Северянин”. Что же, может быть, он прав. Пушкин не печатается в уличных листах, Гёте в беспримесном виде мало доступен провинциальной сцене... Пусть за всеми “новаторскими” мнениями Игоря Северянина слышен твёрдый голос Козьмы Пруткова... Мы присутствуем при новом вторжении варваров, сильных своей талантливостью и ужасных своей безграмотностью. Только будущее покажет, “германцы” ли это или... гунны, от которых не останется и следа...”

Поэт Игорь Северянин как начал свою поэтическую карьеру откровенно патристическими стихами, став единственным русским известным поэтом, воспевающим подвиги и гибель русских моряков в войне 1904-1905 годов, так и закончил свою поэтическую жизнь прославлением великой России и её вождя Сталина в 1940 году.

А ведь он даже в своих, ставших знаменитыми, стихах из “Громокипящего кубка” уже писал: *Я, гений Игорь Северянин,
 Своей победой упоён:
 Я повсегодно озкранен!
 Я повсегодно утверждён!
 От Баязета к Порт-Артуру
 Черту упорную провёл.
 Я покорию литературу!
 Взорлип, гремящий, на престол!*

В этом стихотворении октября 1912 года

“Эпилог” автор эпатажен, резок, сочетает новый язык поэтов Серебряного века с ярко выделяющейся и не менее экспрессивной старославянской лексикой. “Эпилог” – одно из стихотворений, посвящённых теме “Поэт и толпа” и связанных единым пафосным началом. Только в “Эпилоге” всё подчеркнуто гротескно и эмоционально. И критики, как правило, не замечали, от какого Баязета и к какому Порт-Артуру поэт провёл упорную черту. Это же явная имперскость, от Турции до Китая.

В самом начале Февральской революции Игорь Северянин пишет убойное сатирическое стихотворение о Керенском: *Посредственному адеютку
 Стать президентом – не удел.
 Он деловито шёл к закатам,
 И вот дойдя – он не у дел!..
 Напрасно чванлился Самара:
 “Волжанин стал почти царем!”
 Он поднимался, как опара,
 А полнул мыльным пузырём.*

Тут же вскоре появляется стихотворение о Ленине, настоявшем на заключении Брестского мира 3 марта 1918 года:

*Его бессорная заслуга
 Есть окончание войны.
 Его приветствовать, как друга
 Людей, вы искренне должны.
 Я – вне полштики, и, право,
 Мне всё равно, кто б ни был он.
 Да будет честь ему и слава,
 Что мир им, первым, заключён!*

Так что, как ни парадоксально, поэтическая лениниана начинается с Игоря Северянина. Возможно, современник мог бы поспорить с тем, как Северянин воспринимает обоих (Керенского и Ленина), но не выделить этих стихов, обращённых к самым историческим фигурам того времени, было нельзя.

Игорь Северянин слабо разбирался в том, кто такие большевики, кто такие эсеры, кадеты, но поэт обладал здравым смыслом и судил по делам.

В России двадцатых годов паяцам и комедиантам было нечего делать. Да и самому Игорю Васильевичу порядком надоела эта роль. Он становился грустнее, задумчивее, лиричнее, на первый план вновь выходил тот самый природный русский патриотизм, которым он был одарён с детства и который никогда не уходил, оставаясь в глубине его души даже в самые “ананасные” годы.

Исчезли принцессы и будуары, остались любимая им северная природа и надежда на будущее:

*Мы жили – не-жили, пожалуй, слишком долго,
 Удобно-тупской европею греша;
 Огмни, вечер, сокровенно восторга –
 Да востепенность стаящая душа!
 Услышим заповедь беззвучного бельканто,
 Омоет светоплодом красота, –
 Возьмёмся за руки у алтара заката,
 И тихо скрипнут царские врата...*

На место кринолинов и грезерок в поэзию Игоря Северянина вошла его родная Россия.

(Полная версия – на сайте)